

Горькая правда

Оригинал здесь: [Книжные полки Лукьяна Поворотова](#).

Под лазоревым небом Подолии раскинулась пышная осень; брызнула она золотом на темные грабовые леса, заткала нежными серебристыми нитями бархат отав, покрыла бронзой высокие тополи, одела в пурпур виноградники, залегшие каймой у подножия скал, устала разноцветными стогами крестьянские токи у кокетливых хат и обошла лишь одну, спрятавшую свое убожество далеко от подруг, за камнем, на склоне горы, у опушки вырубленного леса.

Прежде эта халупа была нарядной хатой лесника и ее окружали хорошие хозяйские постройки; но помещик лес продал, лесник Гудзь умер, а вдова его Устя, лишенная жалованья, с малолетним сыном Харьком не могла уже поддержать и сохранить усадьбу: хата сторбилась, покосилась, сложенные из камней оборы обвалились, холодные постройки разнесены были по бревну...

Впрочем, хата внутри и теперь была выбелена чисто и подведена внизу красной каймой, а [доливка](#) ее, убитая щепнем и глиной, даже нарядно желтела. Согнутый сволок поддерживался посредине деревянным столбом; широкие берестовые лавы покрыты были хотя и старыми, но чистыми веретами; в красном углу, выклеенном двумя полосами шпалер, висели почерневшие образа; там же стоял и стол, покрытый белой скатертью, а за ним ближе к глухой стене помещался ткацкий станок – верстак. У самой же глухой стены с небольшим лишь окошечком вплоть до самой печи прилажен был пол – род нар.

Несмотря на яркий день, в хате царил полумрак; сквозь небольшие, вросшие почти в землю и закрытые стеблями бурьяна окна проникало мало света. В приподнятые рамы струился в светлицу душно-влажный воздух, пропитанный запахом гнилых листьев; но несмотря на согреты солнцем струи, тянуло из углов хаты затхлой сыростью...

На полу были постланы и накрыты серым рядом два кожуха; на этой постели лежал обложенный подушечками в забытии, молодой, но исхудавший до невозможности парубок. В чертах его лица, обостренных худобой, виднелись следы красоты и некоторой доли благородности, – только нижний овал его был несколько груб; смело взмахнутые брови теперь резко чернели на бледно-пепельном лбу, темные волосы беспорядочными космами лежали на подушке, из глубоких орбит сомкнутых глаз вырезывались бахромой дуги ресниц и бросали на желтые, втянутые щеки больного широкие тени; едва заметная складка между бровей придавала лицу его холодное, равнодушное выражение.

Кроме больного, в хате находились еще женщины: одна, средних лет, с повязанной платком головой, сидела на полу, у изголовья больного, и по временам прикладывала руку то к голове его, то к вискам, а другая, постарше, худенькая, с сморщенным темным лицом, в грубой сорочке, вышитой черной заполочь, да в самотканой джерге, сидела на скамеечке у его ног, склонив безнадежно голову; во всей согбенной фигуре и в выражении глаз старухи сказывалось столько горя, столько мучительной, беспощадной тоски, сколько могут дать на земле бедность, приниженность да горькая сиротская доля... Повязанная платком, очевидно, знахарка, продолжала важным методическим голосом излагать худенькой старухе результат своих исследований.

– Нет, кости у него целы, а нутро все попечено... перетлело... Прибегает это ко мне ваша Ликера, голосит, бьет себя в грудь: [зализныця](#), мол, пришибла Харька, тобто вашего сына... замертво, говорит, привезли... а оно, выходит, не зализныця, а просто огневица.

– Будет жить? – спросила хриплым, надтреснутым голосом старуха, мать умирающего.

– Ох, навряд! – покачала головой знахарка. – Не топтать ему уже рясту: и голосники попорчены, и мозок почернел... вон где уже у него душа, – ткнула она пальцем в выдавшийся кадык, – в самой горлянке, на вылете.

– Рятуйте! – завопила и затряслась старуха от бесслезных рыданий. – Одним один, как палец... единая порада и утеша. Господи, прибери лучше меня, а продли ему дни! Ой, тяжело сироте расти меж чужими людьми, а старому-то остаться сиротой так уж так тяжко, что не вымолвишь!.. Спасите дытыну, пани знахарко, отходите моего сокола ясного – ничего не пожалую: ни хаты, ни злыдний, ни моей жизни ненужной... Ой, на бога! – заломила руки старуха и готова была упасть перед знахаркой на колени.

Знахарку, видимо, тронуло отчаяние матери; она подхватила старуху и, усадив на скамеечку, стала утешать ее.